

Языковой и культурологической континуум современной Южной Славии: сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки (pro et contra)

М. С. ХМЕЛЕВСКИЙ*

Кафедра славянской филологии, Филологический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская набережная, д. 7–9, RU-199034 Санкт-Петербург, Россия

Received: 15 June 2022 • Accepted: 27 December 2022

© 2022 Akadémiai Kiadó, Budapest

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы языковой ситуации, сложившейся в южнославянском полиэтническом пространстве, с привлечением культурологического, лексического и фразеологического эмпирического материала. В работе обосновывается подход к определению статуса сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков на базе совокупности критериев выделения их как самостоятельных языков. Актуальность заявленной проблематики представляется в поиске ее объективного как лингвистического, так и экстралингвистического разрешения. Вопросы языка и диалекта являются предметом довольно острой многолетней дискуссии у народов Южной Славии, что обусловлено как политическими факторами, так и ростом национального самосознания, достигшего максимальной степени своего проявления в 90-е годы XX века.

В настоящем исследовании обзорного характера дается многосторонняя максимально объективная оценка актуальной социолингвистической ситуации на славянских Балканах с опорой на эмпирический материал и параллелями в других странах, подчеркивается ее уникальность в рамках проявления толерантности к народам бывшей Югославии и их выбору собственного языкового идиома для обозначения языков, которыми они пользуются как в повседневном общении, так и в письменной традиции. В работе представлены различные точки зрения и критерии для выделения самостоятельного языка применимо к языковой ситуации на славянских Балканах, сложившейся по состоянию на первые два десятилетия XX века.

В исследовании поднимается теоретический вопрос о выделении того или иного идиома в самостоятельный язык на основе различных подходов к данной проблематике, которая в отношении анализируемых южнославянских языков может быть решена лишь в их совокупности: синхронный

* Corresponding author. E-mail: chmelevskij@mail.ru

и диахронический аспект, фактор наименования того или иного идиома этнической группой, которая им пользуется, а также религиозный фактор, сыгравший особую роль в формировании современных славянских балканских народов.

Делается вывод о несостоятельности фактора взаимопонимания и фактора потребности в переводе для выделения отдельного языка, что в исследовании подтверждается широким иллюстративным языковым материалом, что дает право говорить о центрально-южнославянском языковом континууме, а также обосновывается мнение автора статьи о несостоятельности названия «сербохорватский язык», поскольку оно изначально являлось исключительно политическим, а не лингвистическим термином. Вместе с тем затрагивается вопрос о центрально-южнославянском культурологическом континууме, который подразумевает общность культуры, литературы, киноискусства, музыки и пр. для всех народов бывшей Югославии, включая и неславянские этносы, проживающие в этом регионе, что является феноменом для рассматриваемого ареала Южной Славии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

центрально-южнославянские языки, центрально-южнославянский лингвокультурологический континуум, самостоятельный язык, идиом, диалект, сопоставительная лексикология, сравнительная фразеология, культурология, этнология

Koliko jezika znaš, toliko ljudi vrediš

Сербскохорватский, хорватско-сербский или только сербский и только хорватский языки? Существует ли боснийский язык, если почти весь его лексический корпус включен в Словарь сербохорватского литературного и народного языка (*Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*), имеет ли право на существование признанный мировым сообществом переводчиков черногорский язык? Являются ли чакавский и кайкавский идиомы самостоятельными языками или диалектами? Что подразумевают собой термины «новоштокавская диасистема» и «среднеюжнославянские языки»? Это вопросы, которые вот уже много десятилетий уводят славистов в экстралингвистическую область излишних дискуссий и непрекращающихся до сих пор научных прений о названии языка vs. языков народов Южной Славии.

В результате многие слависты, вместо того чтобы анализировать, описывать и изучать богатейшую материальную и предметную языковую палитру, которая открывает исследователю южнославянская ветвь славянских языков, вот уже многие десятилетия уходят в непримиримые споры политизированного, а не лингвистического характера, суть которых заключается далеко не в научном, а в исключительно субъективном понимании участников этих споров того, что считать отдельным языком, а что его диалектами, интердиалектами или койне. Мы постоянно сталкиваемся с националистическим «краеугольным камнем» подобных дискуссий – как называть язык, который одновременно якобы един, но в то же время – многолик и разнообразен по своей сути.

Вот уже более полувека ведутся лингвистические «баталии» вокруг этих вопросов, которые выходят за рамки языкознания и носят по большей части характер взаимного выяснения межличностных и националистических отношений антинаучного уровня. Таким образом, подобные дебаты превращают лингвиста, который в них участвует, в пропагандистского оратора и уводят его в сторону от изучения непосредственно самого языкового

материала, который представляет собой неисчерпаемый «кладезь» для сравнительно-сопоставительной славистики, не только с сугубо лингвистической, но также и культурологической точки зрения.

Естественно, при ближайшем рассмотрении любой лингвистической ситуации мы убеждаемся в ее уникальности – и понятие нормы приобретает этнолингвистическое звучание (ЕЛОЕВА 2017: 976), однако в нашем исследовании обратимся к специфике подобной проблематики в славянском мире и проанализируем ее в совокупности объективных научных критериев выделения национального языкового идиома в самостоятельный язык. Приведем и факты, на основании которых мы постулируем свое отношение к псевдонаучным заявлениям «пансербистов» и которые могут внести ясность в многолетние дискуссии славистов, придерживающихся идей «пансербизма» в вопросе «быть или не быть» тому или иному языку с правом их самоназвания по национальной самоидентификации носителей, т. е. этнониму.

«Решение вопроса о специальных для Балкан и общих для Евразии процессах языковой и культурной конвергенции и дивергенции позволит получить научное представление об ушедших в прошлое, современных и будущих многоязычных и поликультурных обществах» (СОБОЛЕВ и др. 2018: 685). При этом обратим внимание на то, что сам вопрос о том, что называть отдельным языком в лингвистике до сих пор далек от разрешения, поскольку отсутствует единый критерий для поиска однозначного ответа на него (МУСОРИН 2001: 13). Выбирая только один из таких критериев, мы невольно окажемся в тупике, пытаясь найти максимально объективный и научный консенсус в данной проблематике.

Первый из них – это синхронный аспект, в рамках которого неизбежно возникает вопрос, почему в таком случае, например, белорусский язык, грамматически и лексически наиболее близкий к русскому, в славистике традиционно имеет статус отдельного языка, тогда как, например, речь казаков, проживающих на юге России, в равной степени отличающаяся от литературного, – одним из южнорусских говоров. Таким образом, критерий взаимопонимания оказывается не применимым в стремлениях объединить хорватский и сербский в один общий язык, а тот факт, что босниец понимает серба или черногорца без переводчика, не будет являться релевантным для решения южнославянского языкового вопроса.

Второй аспект – диахронический, но и здесь встает аналогичный вопрос, например, с какого момента следует считать украинский и белорусский отдельными языками, а до какого – диалектами общевосточнославянского или древнерусского? В этом смысле мы также не найдем научно аргументированного ответа о времени распада западной южнославянской общности. Также остается открытым вопрос, почему традиционно чакавский и кайкавский именуют диалектами одного хорватского языка, если у каждого из них есть своя письменная традиция, а критерий взаимопонимания не может быть использован при ответе на него по причине отсутствия такового между их носителями.

Литературный язык хорватов был кодифицирован в середине XIX века на основе штокавского говора, т. е. наиболее приближенного к литературному сербскому языку, кодифицированному Вуком Караджичем приблизительно в то же время, а именно – на единой для сербов и хорватов языковой общности, в силу чего многие сербские и российские лингвисты как в прошлом, так и до настоящего времени продолжают делать заключения о том, что данный критерий может считаться поводом для именованя языков двух народов – сербов и хорватов – единым сербохорватским. Однако при этом ими не учитыва-

ется, например, такой факт, что вследствие различных литературных традиций и экстралингвистических причин, формируясь и развиваясь внутри двух исторически, культурно и мировоззренчески обособленных национальных этносов, за два столетия языковые стандарты как литературного, так и разговорного языков могли измениться в сторону их взаиморасхождения (что можно наблюдать на примере других славянских языков с разницей лишь в продолжительности данного процесса распада общеславянской общности).

Добавим также, что в рамках поднимаемой темы вряд ли можно брать в качестве критерия упомянутый выше факт взаимопонимания, т. к. лексически сербские, хорватские или боснийские языковые традиции в настоящее время различаются не меньше, чем русский и белорусский, чешский и словацкий, украинский и русинский и т. д., поскольку среднестатистический современный серб (не филолог), согласно нашим социолингвистическим наблюдениям, далеко не всегда в полной мере понимает хорватский текст не только специализированного, научного или юридического, но и публицистического характера, равно как и боснийский письменный или разговорный язык, насыщенный тюркизмами и выражениями, отражающими местные реалии. С другой стороны, носитель хорватского культурологического идиома (также не филолог) не сможет прочитать сербскую кириллицу, которая воспринимается им не понятной и чужой для него традицией письма чужого, другого языка.

Разницу мы наблюдаем уже на таких повседневных примерах, как устойчивые формы приветствий: с одной стороны, все народы сербохорватского языкового континуума употребляют общее для всех *Dobar dan!*, но с другой – у каждого из них мы обнаруживаем свои собственные, отражающие этнокультурный колорит: серб. *Zdravo!*, хорв. *Bok!* (*Bog!*), босн. *Selam!* (*Sabahajrula!* [утреннее приветствие], *Akšam hajrula!* [приветствие после захода солнца]), которые, естественно, будут понятны всем народам, живущим в одном культурологическом пространстве и интердиалектной общности, но при этом будут восприниматься ими как чужеродные, т. е. узнаваемые, но принятые в другом соседнем языке, а по своей сути – как иностранные слова и маркированные своей принадлежностью к другому, т. е. чужому этносу. Это касается и случаев традиционно различаемой, но узнаваемой лексики, как, например, серб. *hiljada* – хорв. *tisuća*, серб. *hleb* – хорв. *kruh*, серб. *voz* – хорв. *vlak*, серб. *praznik* – хорв. *blagdan* – босн. *bajram* (*bujrum*), серб. *ćošak* (*ugao*) – хорв. *kut*, серб. *šargarepa* – хор. *mrkva*, серб. *kajsija* – хорв. *marelica* и т. д. (BRODЊAK 1991). Однако большинство таких различий на уровне лексики между сербским и хорватским языками и, соответственно – фразеологии с таким компонентом, потребуют словарного перевода, фоновых межкультурных знаний, контекстуальных или межъязыковых толкований.

В этом смысле достаточно привести ряд лексико-семантических типов из общеупотребительного лексического фонда этих языков для иллюстрации вопроса такого взаимонепонимания. Так, например, это касается хорватских названий месяцев (серб. – хорв.): *januar – siječanj*, *februar – veljača*, *mart – ožujak* и др., юридической и официальной терминологии: *firma – tvrtka*, *sekretar – tajnik*, *uverenje o državljanstvu – domovnica*, *advokat – odvjetnik*, *ambasador – veleposlanik* и др., научной терминологии: *azot – dušik*, *gas – plin*, *kreč – vapno*, *lingvistika – jezikoslovlje*, *sistem – sustav* и др., финансово-экономической терминологии: *akcionar – dioničar*, *taksa – pristojba* и др., сферы музыки: *muzika – glazba*, *klavir – glasovir*, *akord – sazvučnik*, *serenada – podoknica* и др., военной терминологии: *orden – odličje*, *oficir – časnik*, *major – bojničnik*, *štab – stožer* и др., языка ботаники и биологии: *insekt – kukac*, *buba mara – ovčica božja*, *topola – jablan*, *kupus – zelje* и др., кулинарной сферы: *škembići –*

fileki, slanina – špek и др., предметов быта: *sunder – spužva, tegla – staklenka, sijalica – žarulja, tiganj – tava, tepih – sag* и др., абстрактной лексики: *suština – bit, snabdevanje – opskrba, nivo – razina, odnos – omjer, Otadžbina – Domovina* и др., а также целого ряда общеупотребительной лексики: *biblioteka – knjižnica, avion – zrakoplov, telegram – brzojav, apoteka – ljekarna, sprat – kat, utisak – dojam, penzioner – mirovnik, lift – dizalo, vazduh – zrak, pumpa – crpka, očigledan – zoran, istorija – povijest, ostrvo – otok, časovničar – urar, policajac – redarstvenik, štampa – tisak, pozorište – kazalište, WC – zahod, sahrana – pogreb, ja se izvinjavam – ja se ispričavam* и др. (BRODNJAK 1991). С полным незнанием хорватских аналогов автор этой статьи неоднократно сталкивался на занятиях по переводу с сербскими и черногорскими студентами, руководствуясь ошибочной идеей «пансербистов» о единстве языков сербов и хорватов и якобы межъязыковом «взаимопонимании».

Таким образом, ввиду вышесказанного приобретает актуальность еще один важный критерий выделения того или иного идиома как самостоятельного языка – это потребность в переводе, которая свидетельствует о том, что перед нами два разных языка, поскольку с диалекта на литературный язык, равно как и с литературного языка на диалект, как правило, не переводят (Мусорин 2001: 13). В особо выраженной степени критерии взаимопонимания и необходимости перевода становятся наиболее актуальными также и в случае письменной и устной речи боснийцев, насыщенной тюркизмами, отражающими местные повседневные реалии и уклад жизни славянского народа в самом центре Балканского полуострова, испокон веков исповедующего ислам.

Достаточно привести лишь несколько иллюстративных устойчивых фразеологических единиц культурологического характера, чтобы на языковом материале продемонстрировать сказанное выше: босн. *provoditi vrijeme u akšamluku* – ‘беззаботно, расслабленно, весело проводить вечер в компании друзей за беседами, едой и алкогольными напитками’ (*akšamluk* – ‘молитва, намаз перед заходом солнца, после чего верующим разрешено расслабиться, беседовать на непринужденные темы, веселиться, употреблять спиртное, что запрещено Кораном в течение светлого времени суток’); *akšam hajrulah!* – вечернее приветствие; *ima li bujruma?* – ‘можно ли присоединиться к вам, к вашему столу, к вашей компании?’; *bujrum!* – ‘добро пожаловать (к столу, к нашему обществу...), присоединяйся к нам!'; *Allahu šućur* (серб. *Bogu hvala*) – ‘слава богу’; босн. *cijeli divan to zna* (серб. *čitav svet to zna*) – ‘все это знают’, где лексема *divan* употребляется в значении ‘весь мир, все люди, народ’; *dobiti bajramluk* – ‘получить подарок к празднику’, где *bajram* – ‘мусульманский религиозный праздник’; *mubarek mjesec Ramazana!* – пожелание / поздравление в значении ‘счастливого месяца Рамазана!'; *slati selame* – ‘отправлять приветственные сообщения, передавать привет’; *preseliti na Ahiret* – ‘уйти в иной мир, умереть’, где *Ahiret* – ‘потусторонний мир’ в исламе; ирон. *kao za dženazu* – ‘(сидеть) грустно, с понурым лицом’ (ср. русск. *сидеть как на похоронах*), где *dženaza* – ‘похороны в мусульманской традиции’, и многие другие выражения, воспринимаемые и сербами, и хорватами как чуждые или как экзотизмы, тогда как их использование среди боснийских мусульман является вполне естественным и отражает окружающую их повседневность (Савченко–Хмелевский 2020: 557, Хмелевский 2013: 229).

Подобное замечание можно отнести и к фразеологическим единицам, которые в большинстве своем хотя и фиксируются сербскими словарями, но, с точки зрения узуса, воспринимаются сербами как чуждые или как экзотизмы (*tako se samo u Bosni kaže*), не употребляются ни сербами, ни хорватами или их значение для носителя сербско-

го или хорватского языков затемнено или вовсе не понятно: например, босн. *mehlem za srce* (ср. русск. *бальзам на сердце*), где *mehlem* – ‘мазь’; *ustati radi bereketa / beričeta* – ‘встать рано утром, чтобы многое сделать’ (ср. русск. *кто рано встает, тому бог подает*), где *beričet* – в переносном значении ‘ранний подъем’, а также метафорически – ‘счастье, удача, польза’ (которые принесет ранний подъем); *živjeti na dunjaluku*, где *dunjaluk* – ‘реальный мир’, антонимичный потустороннему и др. (Кузнецова–Хмелевский 2021: 39, ŠENOVIĆ–NAVERIĆ 2017).

Приведем также позицию Д. И. Эдельмана, который в качестве критерия выделения или невыделения самостоятельного языка предлагает считать «наличие или отсутствие взаимопонимания между носителями форм речи, представляющих разные локальные единицы» (ЭДЕЛЬМАН 1980: 129). И вслед за А. Ю. Мусориным укажем на ее определенную ограниченность в употреблении: если отсутствие взаимопонимания действительно может свидетельствовать о том, что перед нами различные языки, то, с другой стороны, наличие такого взаимопонимания ни в коей мере не свидетельствует, что перед нами всего лишь диалекты одного языка (МУСОРИН 2001: 14).

В этой связи приведем иллюстративный пример невозможности аналогичного применения данного критерия, например, к украинскому и русскому языкам, чешскому и словацкому или к азербайджанскому и турецкому, носители которых на бытовом уровне способны общаться и понимать друг друга без переводчика, однако никто не рассматривает их как диалекты соответственно – одного восточнославянского языка, единого западнославянского или единого тюркского языка, а более того – невозможности использовать для названия одного из них чужого лингвонима, не совпадающего с этнонимом: как, например, русского по отношению к украинскому, чешского к словацкому или турецкого к азербайджанскому по принципу количественного превосходства или большей культурной значимости.

Таким образом, ни один из вышеперечисленных критериев для выделения или невыделения самостоятельного языка не может использоваться в отдельности, а лишь исключительно в совокупности с еще одним, не менее важным, а скорее даже самым значимым принципом – это языковое самосознание его носителей, т. е. представление говорящих о том, на каком языке они говорят. В этом смысле мы, вслед за Н. Б. Мечковской придерживаемся постулата, который оградит лингвиста от излишних дебатов по данной проблематике: если коллектив говорящих (а в нашем случае – народы сербохорватского языкового континуума) считает свою родную речь отдельным языком, отличным от языков своих соседей (не взирая на критерии взаимопонимания или общей диалектной основы, взятой при их кодификации), значит, идиом, на котором данный коллектив vs. этнос / народ говорит, это отдельный самостоятельный язык (Мечковская 1994: 94–95).

Вполне естественно, что иногда изменение статуса языкового идиома связано с изменением статуса самой этнической группы, использующей его в качестве средства повседневного общения. Так, например, македонцы до 1945 г. считались субэтносом болгар, а их язык, соответственно – южным диалектом болгарского. Однако во второй половине XX века македонцы получили статус отдельного славянского народа, что было закреплено новым административным положением в рамках границ современной Северной Македонии – одной из шести республик СФРЮ, а их идиом был признан самостоятельным языком (СТАМАТОСКИ 1986).

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и у рассматриваемых нами этнических образований: народы новоштокавской диасистемы и общего среднеюжнославянского культурно-исторического континуума формировались на протяжении веков не по принципу их родственной принадлежности к общему корню (как в случае польской нации) и не по принципу языкового единства или принадлежности к одному историко-культурному пространству (как в случае русской нации), и не по принципу общей национальной идеи разнородных этносов (как в случае украинской нации), а по религиозному, что предопределило их дальнейшее национальное формирование и сделало языковую ситуацию в Южной Славии в своем роде уникальной для всего славянского мира.

Как раз именно этот принцип сыграл в рассматриваемом нами регионе Балкан решающую роль для выделения и становления самостоятельных южнославянских народов и именно он явился релевантным для их дальнейшего обособленного этнического, исторического и политического развития. Именно он определил характерные для каждой из наций свои культурологические особенности и разницу в менталитете, причем не обязательно в рамках политических границ того или иного государства и не в рамках единого и отдельного от других соседей языка (как в случае многих других народов), а в мировоззренческих границах, обусловленных тем вероисповеданием, которое эти народы принимали в тот или иной исторический период своего становления (Јевтџић 2008).

Таким образом, принимая православие, католичество или ислам, индивид начинал относить себя, соответственно, к сербской, хорватской либо мусульманской нации. Следовательно, переход из одной веры в другую, будь то на определенном историческом этапе или сегодня в силу различных причин (получение более выгодных социальных условий и привилегий, как в случае исторического факта добровольного перехода православного населения Южной Сербии и Черногории в ислам, или в настоящее время – это замужество, внутреннее самосознание и самоидентификация индивидуума и др.) как следствие влечет за собой переход из одной культурной общности в другую, иными словами – переход из одной нации в другую и самоидентификационной принадлежности к тому или иному народу. Фактор смены вероисповедания остается актуальным и до сих пор, что отражается в таких фразеологизмах, как *Ne zna se u kojoj ćeš vjeri umrijeti* – букв. ‘неизвестно, в какой вере умрешь’, т. е. ‘не зарекайся, представителем какой нации станешь’ или в шутливой поговорке *Dopodne Ilija, odpodne Alija* – букв. ‘до обеда ты Илия, а после обеда ты Алия’ (Тановић 2000), т. е. ‘легко поменять веру и национальность в угоду каким-либо обстоятельствам’ (ср. русск. *и вашим, и нашим или семь пятниц на неделе*).

В этом смысле для данного балканского региона не представляется однозначно релевантным ни принцип фактической близости или даже общности языковых идиомов, которым пользуется индивид в бытовом общении, ни место его рождения или проживания, ни даже национальность его родителей и родственников, а исключительно – религиозный принцип, формирующий национальное самосознание того или иного этноса.

Несколько обособленно в этой этнической палитре стоит черногорская нация, которая формируется на наших глазах в современном славянском мире, причем, помимо религиозного, одновременно и на принципе личного выбора своего национального самоопределения каждого индивида в отдельности. Здесь идет речь исключительно о православном населении Черногории, поскольку вопрос национальной самоидентичности не стоит у исповедующих католицизм или ислам и именующих себя, соответственно, хорватами или боснийцами-мусульманами, или – черногорцами хорватского или мусульманского

происхождения. Православные же идентифицируют себя либо как черногорцы, либо как сербы, либо как черногорцы сербского происхождения, в первую очередь, исходя из своих личных политических взглядов (т. е. просербские или прочерногорские настроения), что отражается на их расхождении в вопросах трактовки исторического развития черногорской государственности, этноса и, соответственно – в наименовании языка, которым они пользуются – сербский или черногорский (несмотря на общий для всех языковой идиом), а также при выборе либо православной церкви, подчиняющейся сербскому патриархату, либо черногорской православной церкви, существующей с 2000 г. как неправительственная организация, объявившей себя автокефальной (Остолић 2008).

Как следует из вышесказанного относительно специфики формирования наций в Южной Славии – сербов, хорватов, боснийцев, черногорцев (как славянских этносов на Балканах) встает вопрос названия тех идиомов, которыми они пользуются, – лингвистически максимально близких друг к другу, но со своими региональными отличиями на всех языковых уровнях, характерными для того или иного народа. В большинстве своем они либо 1) остаются понятными или узнаваемыми в силу нахождения в едином языковом и культурологическом континууме, но при этом они воспринимаются носителями разных идиомов как чужеродные и зачастую представляют собой предмет «межсоседского» иронизирования друг над другом, при этом определяются самими носителями как серб. *to je hrvatska reč, to je hrvatski jezik, tako se samo u Bosni kaže*, хорв. *to se koristi samo kod Srba*, босн. *to je samo hrvatski izraz* и т. п. (ХМЕЛЕВСКИЙ 2013: 229), либо 2) входят в лексический состав сербских, хорватских или боснийских словарей, но при этом являются этнически и визуально ярко маркированными, либо 3) в целом ряде случаев – вообще не узнаваемы среднестатистическим носителем другого идиома, они не понятны и зачастую даже не фиксируются в словарях того или иного народа и требуют перевода.

Проиллюстрируем сказанное на отдельных фразеологических примерах:

1) фонетические расхождения, например: а) сербская екавица в противопоставлении йекавице в остальных областях региона: серб. *preći Rubikon* – хорв. *prijeći Rubikon*; серб. *zdrav kao dren* – хорв. *zdrav kao drijen* и т. п.; б) традиционные различия в системе консонантизма: серб. *doći na kafu* – хорв. *doći na kavu* – босн. *doći na kahvu* – значение ФЕ ‘прийти в гости’; серб. *devojka za sve* – черног. *đevojka za sve* – ‘мальчик на побегушках’; серб. *tup kao sekira* – черног. *tup kao šekira* – букв. ‘глупый как топор’; серб. *boli me uvo* – хорв. *boli me uho* – букв. ‘у меня болит ухо’, в значении ‘мне все равно, наплевать’; серб. *ćutati kao (olovom) zaliven* – хорв. *šutjeti kao (olovom) zaliven* – букв. ‘молчать как свинцом залитый’ (ср. русск. *молчит как немой, как воды в рот набрал*); серб. *terati mak na konac* – черн. *ćerati mak na konac* – букв. ‘нанизывать мак на нитку’, в значении ‘излишне мелочиться’ и т. п.;

2) исконные лексические различия: серб. *dobar kao (h)leb* – хорв. *dobar kao kruh* – букв. ‘добрый как хлеб’, в значении ‘очень добрый (о человеке)’; серб. *gledati u šalicu* – босн. *gledati u fildžan* – букв. ‘смотреть в чашку’, в значении ‘гадать на кофе’ (ср. русский аналог – *гадать на кофейной гуще*); серб. *viseti u vazduhu* – хорв. *visjeti u zraku* (ср. русский аналог – *висеть / повиснуть в воздухе*); серб. *muzika za uši* – хорв. *glazba za uši* в значении ‘приятно слушать чьи-л. слова’; серб. *čuvati dupe* – хорв. *čuvati rit* (ср. русский аналог – *беречь задницу*) и др.;

3) национальная культурологическая специфика: серб. *Marko u Beograd, Marko iz Beograda* – хорв. *Martin u Zagreb, Martin iz Zagreba* – ‘о пустой, бессмысленной трате времени’; серб., хорв. *čisto kao u crkvi* – босн. *čisto kao u džamiji* – букв. ‘чисто как в мечети’;

серб. *caru carevo* – босн. *begu begovo, agi agino* (ср. русский аналог – *Кесарю Кесарево*); серб., хорв. *znati / učiti kao Očenaš* – босн. *znati / učiti kao hafiz* (*hafiz* – ‘человек, наизусть знающий Коран’); серб., хорв. *l(ij)epo kao u raj* – босн. *lijepo kao u dženetu* (*dženet* – в исламе ‘джаннат, райский сад’); серб. *boga mi!* – босн. *Alaha mi!* – традиционные заклęcia ‘богом клянусь’; серб. *doviđenja* – босн. *allahmanet!*; серб. *pozdrav za dobre ljude* – босн. *selam za dobre insane* (и хотя турцизм *insan* фиксируется в сербских словарях как ‘человек, личность’, здесь речь идет об узусе, т. е. частотности употребления и узнаваемости этой лексемы); серб. *dospeti u ćorsokak* – босн. *otići u helać* – букв. ‘попасть в слепую улицу, в тупик’, в значении ‘попасть в пропасть, потерпеть неудачу, оказаться в тупике’; серб., хорв., черног. *jebem ti mater!* – традиционное экспрессивное междометное ругательство при черногорском *jebem ti oca!*, распространенное и употребляемое только в Черногории и не знакомо соседним народам, возникшее как результат особо почитаемого культа матери в традиционной черногорской культуре, где замененный компонент *otac* во фразеологизме выступает как эвфемизм (ХМЕЛЕВСКИЙ 2013, ОТАШЕВИЋ 2012, МЕНАС–FINK–ARSOVSKI–VENTURIN 2003, RCNKJ 2016, ŠENOVIĆ–HAVERIĆ 2017, TANOVIĆ 2000) и др.

Так, возвращаясь к названиям языковых идиомов сербов, хорватов и боснийцев (в нашем понимании – языков, т. к. мы исходим из совокупности вышеизложенных подходов и, в частности, критерия национального и языкового самоназвания определенного этнического коллектива, что, с нашей точки зрения, является основным применительно к языковой ситуации рассматриваемого региона), представим еще один критерий для выделения самостоятельного языка, который заключается в наличии / отсутствии лингвонима, т. е. названия данного идиома, употребляемого ее носителями по отношению к своему родному и отличного от всех иных наименований, применяемых данным языковым коллективом по отношению к языкам своих соседей (Мусорин 2001: 15). Данный критерий является не менее значимым для решения затронутой нами проблематики, поскольку мы практически не найдем примеров, когда бы тот или иной языковой коллектив, осознающий свой язык самостоятельным и отдельным, пользовался бы для его обозначения тем же названием, что и для языка соседнего народа (Мусорин 2001: 16). При этом идеи так называемого мировоззренческого явления «пансербизма» находят свое отражение и в языке, например, в виде сербской пословицы *pričaj srpski da te ceo svet razume!* – ‘говори по-сербски, чтобы тебя весь мир / все люди понимали’ и не имеющей эквивалента у хорватов, мусульман, черногорцев.

Сторонники подобных идей в качестве аргумента в пользу именованного идиомов всех рассматриваемых в статье народов сербским или сербохорватским в качестве образца проводят параллели с языковыми ситуациями с английским языком в Великобритании и США либо с немецким в Германии, Австрии и Швейцарии, что ни в коем случае не может служить аналогом или, тем более, образцом для окончательно сложившейся языковой ситуации в южнославянском регионе. В первую очередь, потому, что американцы, швейцарцы или австрийцы сами не расценивают свой идиом как самостоятельный и не противопоставляют его другим идиомам английского или немецкого языков. В их лингвистическом сознании отсутствует восприятие собственного идиома, пусть даже сильно отличающегося от стандартизированной нормы, как отдельно существующего языка, но в то же время – и не как диалекта (если говорить о восприятии не лингвистом, а среднестатистическим носителем). Для них это скорее своеобразный языковой код, которым они пользуются только внутри своего языкового коллектива, противопоставляя его

стандартному кодифицированному языку, что вполне укладывается в рамки оппозиции «свой – чужой».

В результате здесь мы имеем дело не с полиязычием (как в случае со славянскими Балканами), а с так называемой поликодностью, где тот или иной языковой код приобретает четкую и определенную маркированность не по этническому признаку, а внутри вышеупомянутой оппозиции. При этом в бытовом общении носители своего родного кода прибегают к таким лингвонимам для его названия, как, например, «швейцарский», «бернский», «австрийский», «венский» языки, которые, в отличие от сербской, хорватской, боснийской и черногорской языковых ситуаций, не получили официального статуса, поскольку в процессе формирования национального самосознания имели место совершенно различные предопределяющие факторы, перечисленные выше.

По той же причине чакавский и кайкавский идиомы относятся к рангу диалекта и не претендуют на официальный статус отдельных языков, несмотря на довольно затрудненное, а порой и полное взаимонепонимание с носителями титульного хорватского языка, а также на наличие многовековой литературной письменной традиции в каждом из них. Однако при этом их носители не воспринимают свой идиом как самостоятельный или отдельный от другого идиома, а, наоборот – как его неотделимую часть общего языкового континуума, т. е. хорватского. При этом, в своем лингвистическом сознании, воспринимая свой идиом не как диалект, а как языковой код, его пользователи в бытовом общении называют его «чакавский vs. кайкавский языки», но исключительно в рамках оппозиции «свой – чужой», которая применима именно при соотношении языка и диалекта или языка и языкового кода в рамках одного единого целого языкового образования, т. е. центрально-южнославянской диасистемы (*centralnojužnoslavenski dijasustav*), согласно терминологии Д. Брозовича (Brozović–Ivić 1988).

К той же оппозиции принадлежит и загребское городское койне, сформированное на лексико-морфологических принципах кайкавского диалекта с включением достаточно большого количества германизмов и локальной лексики, что представляет собой трудность для его понимания носителями литературного хорватского языка. В случае загребского койне оппозиция «свой – чужой» может быть немного скорректирована и трансформирована как социолингвистическая оппозиция «столичный житель, коренной загребчанин – приезжий, провинциал», поскольку данный идиом дополнительно имеет социальный статус престижа и является маркером столичного жителя, его носители исключительно коренные жители Загреба. При этом опять-таки, несмотря на особый социальный статус престижа загребского койне, в сознании его носителей отсутствует восприятие родного идиома как обособленного, отдельного от стандартизированного титульного языка и противопоставляемого ему, несмотря на вековые традиции загребской городской культуры и литературу, опирающуюся на данное койне, хотя в бытовом общении этот социолект именуется его носителями как *zagrebački jezik* (Šojat i dr. 1998). В связи с вышесказанным в этом абзаце еще раз подчеркнем, насколько расплывчато, ситуативно, контекстуально обусловлено, подвижно и относительно понятие «язык», что в очередной раз подвергает сомнению постулат многих сербских и российских «пансербистов» о якобы едином сербском или сербохорватском языке для всех народов, проживающих на территории описываемого региона Южной Славии.

Отвергая названия лингвонимов «хорватский, боснийский или черногорский языки», которые их носители используют для наименования своего родного идиома, и называя

их сербским или «сербохорватским», славист, таким образом, в значительной степени сужает круг своих научных изысканий в югославистике, ограничивая себя только сербским языком, очерченным территориальными границами современной Сербии и Республики Сербской в рамках государственного образования Боснии и Герцеговины. При таком подходе языковой материал может черпаться исключительно из словарей и произведений художественной литературы, тогда как изучение именно живой речи и живых языковых процессов на всей территории новоштокавской диасистемы представляют собой неопценимый вклад в развитие славистики в целом, что видится невозможным, если не принимать во внимание критерий национального самоопределения и, соответственно, выбора того или иного лингвонима самим говорящим.

Так, например, представляются невозможными проведения полевых исследований или записи и анализ современной разговорной речи, поскольку они требуют вступления в контакт с реципиентами, в сознании которых их родной идиом именуется не сербским, а, например, боснийским, хорватским или черногорским. Узость подхода к данному вопросу является фактом отсутствия толерантности к языковой этнической самоидентификации говорящего и к народам, которые пользуются лингвонимом, образованным от их собственного этнонима. Пренебрежение ученых-«пансербистов» или отрицание фактически уже сложившейся языковой ситуации и современной языковой данности зачастую приводят к полной нелогичности их высказываний, сделанных в этом ключе, и суждений, которые уже сами по себе противоречивы и порой демонстрируют явное неуважение по отношению к другим нациям.

В качестве показательного примера приведем лишь одну цитату из многочисленных заявлений «авторитетных пансербистов», ярко иллюстрирующую их частые высказывания по данному вопросу: «Сербский язык относится к группе южнославянских языков, куда входят также болгарский, македонский и словенский (а также отколовшиеся недавно от общего сербохорватского литературного языка хорватский, боснийский и черногорский). Общее число говорящих на сербском языке свыше 12 миллионов человек» (Трофимкина–Дракулич–Прийма 2012: 3). Несостоятельность подобного заявления заключена уже в самой нелогичности, противоречивости и полной антинаучности по ряду причин. Ниже обоснуем наше суждение, проанализировав эту фразу:

1. Название «сербохорватский язык» искусственно возникло в период СФРЮ в сугубо политических и идеологических целях, направленных на стирание языковых и национальных различий между сербами и хорватами в рамках политики коммунистической Югославии. Этот термин насаждался в сознании ее граждан, тогда как до ее образования никогда не употреблялся и утратил свою актуальность после распада федерации. В литературных традициях народов бывшей Югославии исконно использовались собственные лингвонимы, образованные от их этнонимов, поэтому нелогичность заключается в том, что естественный язык как таковой не мог «отколоться» от искусственно созданного в целях пропаганды термина, как несправедливо утверждают авторы вышеприведенной фразы.

2. Термин «сербохорватский язык» после распада Югославии устарел и лишь изредка употребляется в славистике в одном значении, когда речь идет о надъязыковом койне у народов бывшей СФРЮ, в который попадают также словенцы и македонцы, использующие его с целью установления коммуникации с соседними народами.

3. Из постулата об «отколовшихся» языках вытекает признание «пансербистов» за ними статуса отдельных языков, тогда как одновременно позиционируется якобы их единство.

4. Население Сербии составляет порядка 7 млн. человек, следовательно, перед нами на лицо явное неуважительное отношение к тем народам, которые в своем языковом сознании не считают, что они говорят на сербском, и хотя их языки максимально похожи, критерий взаимопонимания, как было сказано и обосновано выше, не применим в качестве критерия к решению вопроса выделения самостоятельного языка.

5. Уже в одном приведенном выше пассаже заключены две противоречащие друг другу фразы: с одной стороны, авторы заявляют об «отколовшихся» языках, с другой – в количестве говорящих на сербском они в этом смысле непоследовательно включают и число говорящих на этих «отколовшихся», т. е. других языках.

Эти и подобные заявления, продемонстрированные нами лишь на одном из иллюстративных примеров, в очередной раз свидетельствуют о том, к какой нелогичности приводят излишне политизированные взгляды на вопросы, которых вполне можно избежать и обратиться непосредственно к языковому материалу, если руководствоваться принципом уважения и учитывать критерий лингвистического и национального самосознания того или иного этнического образования.

Поэтому в свете вышеизложенных подходов, критериев и аргументов мы пользуемся такими терминами как «центрально-южнославянский языковой континуум», подразумевающий исключительно географический маркер для очерчивания границ функционирования этого многообразного и «мозаичного» идиома, т. е. территории от Сербии до Хорватии, или – «центрально-южнославянский лингвокультурологический континуум», который в таком звучании будет включать в себя народы и страны бывшей СФРЮ – от Македонии до Словении, куда попадут также и билингвальные неславянские этносы, проживающие на этой территории Южной Славии. Внутри центрально-южнославянского языкового и лингвокультурологического континуума уже, как само собой разумеющееся, выделяются по вышеописанному принципу его составляющие – языки сербов, хорватов, боснийских мусульман, черногорцев, соответственно, самостоятельные сербский, хорватский, боснийский и черногорский.

Термин «центрально-южнославянский культурологический континуум», с нашей точки зрения, весьма актуален для наименования и описания рассматриваемого региона Южной Славии, состоящего из разных этносов, говорящих каждый на своем идиоме со статусом отдельного языка, взаимопонимание между которыми достигается вследствие экстралингвистических факторов, как, например, общее историческое прошлое, литературная, музыкальная, кинематографическая и другие культурологические общности, и тогда под это определение также будет распространяться на словенцев и македонцев, а также на билингвальных русинов и словаков, проживающих в Воеводине, билингвальных албанцев в Черногории и цыган в основном на востоке Южной Славии. Суть этого понятия естественным образом отражается в языке, а следовательно, и в сознании его носителей, как, например, в виде так называемого фразеологизированного речевого штампа *Od Vardara pa do Triglava* (прецедентная строка из культовой для всех народов песни времен СФРЮ), который употребляется в значении 'на территории всей бывшей Югославии', где *Vardar* – река в Северной Македонии, а *Триглав* – название горного массива в Словении (ср. русский аналог выражения *От Москвы до самых до окраин* во фразеологизированном значении для образного обозначения всего постсоветского пространства).

В данном ключе «центрально-южнославянского лингвокультурологического континуума» вопрос о названии языка или языков носителями представленных в статье южнославянских идиомов в разговорной речи решается довольно просто – это частотное использование таких языковых формул или фразеологизированных речевых штампов, как, например: *Naš jezik / naši jezik; jezik ovih / naših prostora; maternji jezik* – т. е. ‘материнский, родной’, с целью избежать излишних «кривотолков» при общении представителей различных этносов, чем так рьяно занимались и продолжают заниматься многие пансербистски настроенные сербские, черногорские и российские лингвисты.

Таким образом, мировоззренческое самосознание южных славян находит естественные языковые средства для констатации тех реалий, которые живут в их языковом менталитете и лежат уже в плоскости этнолингвистической психологии. Исходя из этого, великий писатель Иво Андрич, родившийся в Травнике и посвятивший свое творчество боснийскому бытоописанию; Кустурица, идентифицирующий себя как «югославянин», перешедший из ислама в ортодоксальную веру и прославивший культуру народов бывшей Югославии далеко за ее пределами; Горан Брегович, благодаря которому балканская музыка получила известность далеко за пределами Балкан; Меша Селимович, босниец по своему происхождению, открывший миру быт боснийских мусульман; писатель хорватского происхождения Мирослав Крлежа, произведениями которого и сегодня зачитываются в Сербии, Черногории, Боснии, или историческая фигура Йосипа Броз Тито, личность которого в настоящее время фольклоризирована и фразеологизирована в речи носителей языка, например, в виде устойчивой формулы языкового заклания *Tita mi (istinu ti kažem)!*; *Titom se kunem!* в значении ‘руку даю на отсечение, клянусь’ – все эти и многие другие знаковые и значимые представители сербохорватского культурологического континуума определяются в речи сербов, хорватов, боснийцев-мусульман, черногорцев как *naši ljudi / pisci / muzikanti, sa naših / ovih prostora, sa regiona, sa našeg regiona* (САВЧЕНКО–ХМЕЛЕВСКИЙ 2020: 558).

Подводя итог приведенному в настоящей статье обзору, в качестве подтверждения тому, что любой из анализируемых нами языков (сербский, хорватский, боснийский или черногорский) имеют право статуса самостоятельного языка, считаем необходимым привести фразу авторитетного лингвиста М. Вайнрайха, который интерпретировал слова французского языковеда А. Мейе: «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот», которую, по нашему мнению, следовало бы дополнить также фактом этнической самоидентификации и национального самосознания его носителей.

ЛИТЕРАТУРА

- ЕЛОЕВА 2017 = ЕЛОЕВА Ф. А. Постдиглосное состояние. Случай современной Греции. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 21 (2017): 976–984.
- КУЗНЕЦОВА–ХМЕЛЕВСКИЙ 2021 = КУЗНЕЦОВА И. В., ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. Лексемы ориентального происхождения во фразеологизмах, называющих человека, в языке славян-мусульман Боснии. *Slavia Centralis* 2021/1: 37–47.
- Мечковская 1994 = Мечковская Н. Б. *Социальная лингвистика*. Москва: «Аспект Пресс», 1994.

- МУСОРИН 2001 = МУСОРИН А. Ю. Что такое отдельный язык? *Сибирский лингвистический семинар*. № 1. Новосибирск: НГУ, 2001. 12–16.
- ОСТОИЉИЋ 2008 = ОСТОИЉИЋ Б. (ред.) *Језичка ситуација у Црној Гори – норма и стандардизација*. Подгорица: ЦАНУ, 2008.
- ОТАШЕВИЋ 2012 = ОТАШЕВИЋ Ђ. *Фразеолошки речник српског језика*. Нови Сад: Прометеј, 2012.
- САВЧЕНКО–ХМЕЛЕВСКИЈ 2020 = САВЧЕНКО А. В., ХМЕЛЕВСКИЈ М. С. Боснија и Герцеговина – исторически мост међу балканским културама, религијама и нацијама. *Вестник Росијског универзитета дружбе народа* 11 (2020): 545–559.
- СОБОЛЕВ и др. 2018 = СОБОЛЕВ А. Н., КИСИЛИЕР М. Л., КОЗАК В. В., КОНЈЕР Д. В., МАКАРОВА А. Л., МОРОЗОВА М. С., РУСАКОВ А. Ю. Јужнославијански дијалекти у симбиотическим друштвама Балкана. *Acta Linguistica Petropolitana* 2018/2: 685–746.
- СТАМАТОСКИ 1986 = СТАМАТОСКИ Т. *Борба за македонски литературен јазик*. Скопје: Мисла, 1986.
- ТРОФИМКИНА–ДРАКУЛИЧ–ПРИЈМА 2012 = ТРОФИМКИНА О. И., ДРАКУЛИЧ–ПРИЈМА Д. *Српски јазик*. Санкт-Петербург: «Каро», 2012.
- ХМЕЛЕВСКИЈ 2013 = ХМЕЛЕВСКИЈ М. С. Особености фразеологије града Сарајева. В кн.: *Национално и интернационално у славијанској фразеологији. XV Међународни сјезд славијиста*. Минск: «Беларусь», Greifswald: Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, Institut für Slawistik, 2013. 227–231.
- ЭДЕЛМАН 1980 = ЭДЕЛМАН Д. И. К проблеме «јазик или дијалект» у условима одсуства писмености. В кн.: *Теоретическе основи класификације јазика мира*. Москва: «Наука», 1980. 127–147.
- BRODNJAK 1991 = BRODNJAK V. *Razlikovni rječnik srpskog i hrvatskog jezika*. Zagreb: Školske novine, 1991.
- BROZOVIĆ–IVIĆ 1988 = BROZOVIĆ D., IVIĆ P. *Jezik, srpskohrvatski / hrvatskosrpski ili hrvatski ili srpski*. Zagreb: Jugoslavenski leksikografski zavod „Miroslav Krleža“, 1988.
- ЈЕВТИЋ 2008 = ЈЕВТИЋ М. Улога религије у идентитету јужнословенских нација. *Годишњак Факултета политичких наука*. Vol. 2. Br. 2. Beograd: Univerzitet u Beogradu, 2008. 171–186.
- МЕНАС–ФИНК–АРСОВСКИ–ВЕНТУРИН 2003 = МЕНАС А., ФИНК–АРСОВСКИ Ж., ВЕНТУРИН Р. *Hrvatski frazeološki rječnik*. Zagreb: Naklada Ljevak, 2003.
- RCNKJ 2016 = *Rječnik crnogorskog narodnog i kniževnog jezika*. Knj. 1. Podgorica: Crnogorska akademija nauka i umjetnosti, 2016.
- ЉЕВТИЋ–ХАВЕРИЋ 2017 = ЉЕВТИЋ А., ХАВЕРИЋ Ђ. *Leksika orijentalnog porijekla u frazemama bosanskog jezika*. Sarajevo: Filozofski fakultet, 2017.
- ЉОЈАТ и др. 1998 = ЉОЈАТ А., БАРАС–ГРУМ В., КАЛИНСКИ И., ЛОНЧАРИЋ М., ЗЕЧЕВИЋ В. *Zagrebački kaj: govor grada i prigradskih naselja*. Zagreb: Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 1998.
- ТАНОВИЋ 2000 = ТАНОВИЋ И. *Frazeologija bosanskog jezika*. Zenica: Dom štampe, 2000.

MIKHAIL SERGEEVICH KHMELEVSKIY

Department of Slavic Languages, St. Petersburg State University, Russia

**The Linguistic and Culturological Continuum in Modern South Slavia:
Serbian, Croatian, Bosnian, and Montenegrin Languages (Pro et Contra)**

The paper deals with current issues of the language situation that has developed in the South Slavic space, with the involvement of cultural and phraseological material. The approach to determining the status of the Serbian, Croatian, Bosnian, and Montenegrin languages is substantiated on the basis of a set of criteria for distinguishing them as independent languages. The relevance of the stated problems is presented in the search for its objective, both linguistic and extralinguistic resolution. The issues of language and dialect are the subject of a rather sharp long-term discussion among the nations of Southern Slavia, which is due to both political factors and the growth of national self-consciousness, which reached its maximum degree in the 1990s.

This review study provides a multilateral, maximally objective assessment of the current sociolinguistic situation in the Slavic Balkans based on linguistic material and parallels in other countries, emphasizes its uniqueness in the framework of tolerance towards the peoples of the former Yugoslavia and their choice of their own language idiom to designate the languages they use both in everyday communication and in the written tradition. The paper presents various points of view and criteria for the selection of a separate language applicable to the linguistic situation in the Slavic Balkans, which has developed as of the first two decades of the 20th century.

The study raises the theoretical issue of separating different idioms into a separate language based on various approaches to this problem, which in relation to the analyzed South Slavic languages can only be solved in their complexity: synchronic and diachronic aspects, the factor of naming idioms by the ethnic group that uses it as well as the religious factor, which had a special role in the formation of modern Balkan peoples.

The conclusion is made about the inconsistency of the factor of mutual understanding and the factor of the need for translation to single out a separate language, which is confirmed in the study by a wide illustrative language material, which gives the right to talk only about the Central South Slavic language continuum, and the opinion of the author of the paper about the inconsistency of the name "Serbo-Croatian language", which is substantiated because it was originally a purely political and not a linguistic term. At the same time, the issue of the Central South Slavic cultural continuum is touched upon, which implies the commonality of culture, literature, film art, music, etc. for all the peoples of the former Yugoslavia, including non-Slavic ethnic groups living in the region, which is a phenomenon for the considered area of Southern Slavia.

Keywords: Central South Slavic languages, Central South Slavic linguoculturological continuum, separate language, idiom, dialect, phraseology, comparative lexicology, comparative phraseology, cultural studies, ethnology

